

FB2: "golma1 ", 2009-02-04, version 1.0

UUID: 673BD661-85BB-4410-9B5E-3CB75129FABA

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Брюсов

Зеркало теней

Содержание

«Веселый зов весенней зелени...»	0007
НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ	0009
«Снова, с тайной благодарностью...»	0011
«Идут года. Но с прежней страстью...»	0013
ОБЪЯТИЯ СНОВ	0015
СОН	0015
КОШМАР	0017
БЕССОННИЦА	0018
РАДОСТНЫЙ МИГ	0020
НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ	0022
ДЕМОН САМОУБИЙСТВА	0022
НА ПЛЯЖЕ	0024
ОФЕЛИЯ	0025
СОБЛАЗНИТЕЛЮ	0027
LE PARADIS ARTIFICIEL	0028
В ПУСТЫНЯХ	0030
ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ	0034
В МОЕЙ СТРАНЕ	0034
ЗЕРНО	0036
«Цветок засохший, душа моя!..»	0037
«Тяжела, бесцветна и пуста...»	0038
«Мечты любимые, заветные мечты...»	0039
РОДНЫЕ СТЕПИ	0041
ПО МЕЖЕ	0041
«В полях забытые усадьбы...»	0042

«Большой дорогой, шоссе открытым...» . . .	0043
«На сухой осине серая ворона...»	0044
ЛЕТНЯЯ ГРОЗА	0045
«И снова давние картины...»	0046
НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ	0047
СТРАСТИ СНЫ	0048
«Ты — мой демон, ты эринния...»	0049
«Да, можно любить, ненавидя...»	0051
«Опять безжалостные руки...»	0052
«Как птицы очковой змеей очарованы...»	0054
«Прощаю все, — и то, что ты лгала мне...»	0055
СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ	0057
«Любовь ведет нас к одному...»	0057
ЛЬДИНКА	0058
ЮЖНЫЙ КРЕСТ	0060
ПРЕДЧУВСТВИЕ	0061
НА ЗАРЕ	0062
ПОКОРНОСТЬ	0063
МИЛЫЙ СОН	0064
ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ	0066
ВЕЧЕРОВАЯ ПЕСНЯ	0066
НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО	0067
НА БЕРЕГУ	0068
СЛУЧАЙНАЯ СТРЕЛА	0069
УТРОМ	0070
В НАЕМНОЙ КОМНАТЕ	0071
В РЕСТОРАНЕ	0073
ПОСЛЕ НОЧИ...	0074

ПО ТОРЖИЩАМ	0075
РОМАНС	0075
ПОРТРЕТ	0076
НА ГОРЯЧЕМ ПЕСКЕ	0077
ДОЖДЬ В ГОРОДЕ	0078
ПРОЩАНИЕ	0079
У КОЛОННЫ	0080
УЛИЦА	0081
В ИГОРНОМ ДОМЕ	0082
В ЦЕРКВИ	0083
МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	0085
БЛИЗ МОРЯ	0085
ФИРВАЛЬШТЕТТСКОЕ ОЗЕРО	0086
МЮЛЬБАХ	0087
НА ЛЕДНИКЕ	0088
В ИТАЛЬЯНСКОМ ХРАМЕ	0089
НА МОГИЛЕ ИВАНА КОНЕВСКОГО (+8 ИЮЛЯ 1901 г.)	0090
СВЯТОЕ РЕМЕСЛО	0092
ПОЭТ — МУЗЕ	0092
РОДНОЙ ЯЗЫК	0094
ОТВЕТ	0095
ПРЕДЧУВСТВИЕ	0097
ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ	0098
ЕГИПЕТСКИЙ РАБ	0098
МОИСЕЙ	0099
КЛИТЕМНЕСТРА	0102
СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА	0104

СУЛЛА	0108
КРЕСТНАЯ СМЕРТЬ	0109
ФАУСТ	0110
ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ	0112
АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП	0112
К ФИНСКОМУ НАРОДУ	0113
К МОЕЙ СТРАНЕ	0115
ДЛЯ ВСЕХ	0117
ПАМЯТИ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ	0117
К. Д. БАЛЬМОНТУ	0119
ПРИЗНАНИЕ	0120
ПОСВЯЩЕНИЕ	0121
В ОТВЕТ НА ОДНО ПРИЗНАНИЕ	0122
В АЛЬБОМ ДЕВУШКЕ	0123
В АЛЬБОМ Н	0124
САНДРИЛЬОНЕ	0125
В АЛЬБОМ	0126

Валерий Брюсов
ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ
1909–1912

НА ГРУДИ ЗЕМНОЙ

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь тронет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду!*
А. Фет

«Веселый зов весенней зелени...»

Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор мира,
Соблазны мысли, чары грез,—
От тяжелой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз,—
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытною мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!
Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных, и в тиши,
Но цел мой дух, и не растрочены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет,—
На радости и на страданья

Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!
Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью,—
Пусть к кораблю времен прицепит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горечь, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зимы!.

1911

НА ВЕЧЕРНЕМ АСФАЛЬТЕ

МЫСЛИ священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.
Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.
Слышит таинственный ропот
Сердце, в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный

Древней, мучительной тайны.
Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
25 июня 1910

«Снова, с тайной благодарностью...»

*Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Ф. Тютчев*

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в далях вышины.
Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.
Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится
К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.

Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум,—
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...

1911

«Идут года. Но с прежней страстью...»

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!*
А. Пушкин

Идут года. Но с прежней страстью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю счастью
И правде переменных снов!
Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен,—
Но строфы славить не устанут
Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!
Всё прошлое — мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть все свершится, — что б ни сбылось!

Грядущий миг, — скорей приходи!
Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вокруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь!

1911

ОБЪЯТИЯ СНОВ

Земная жизнь кругом объята снами.
Ф. Тютчев

СОН

Ты вновь меня ведешь, и в отдаленья, роб-
ко,
Иду я за тобой,—
Сквозь сумеречный лес, среди трясины
топкой,
Чуть видимой тропой.
Меж соснами темно; над лугом тенью
бледной
Туман вечерний встал;
Закатный свет померк на выси заповедной
Даль оградивших скал.
Мне смутно ведомо, куда ведет дорога,
Что будет впереди...
Но если шаг порой я замедляю, — строго
Ты шепчешь мне: иди!
И снова мы пройдем по кручам гор, по
краю
Опасной крутизны.

Мир отойдет от нас, и снова я узнаю
Все счастье вышины.
На горном пастбище, меж сосен оголен-
ных,
Сквозь голубую тень,
Мне явится, с крестом среди рогов скло-
ненных,
Таинственный олень.
Ты вскрикнешь радостно; в свои надежды
веря,
Ты сделаешь мне знак;
И будет озарен крестом лесного зверя
Вдруг отступивший мрак.
Расслышу с грустью я, как ты, клонясь
всем телом,
Прошепчешь мне: молись!
Я руку подыму с привычным самостре-
лом...
Стрела взовьется ввысь...
Вдруг пропадет олень; со стоном безнадеж-
ным
Исчезнешь ты; а я
Останусь, как всегда, спокойным и мятеж-
ным,
Ответный вздох тая.

7 января 1910

КОШМАР

Эту женщину я раз единственный видел.

Мне всегда казалось: было то во сне.

Я ее любил; потом возненавидел;

Вновь ее увидеть не придется мне.

С ней вдвоем мы были где-то на концерте,

Сближенные странно радостной мечтой.

Звуки ясно пели о блаженстве смерти,

О стране, где сумрак, тайна и покой.

Кончилась соната. Мы перебежали

Яркий блеск фойе и залы тихой мглы.

Промелькнули лестниц темные спирали,

Нижних переходов своды и углы.

Наконец, пред дверью, почернелой, низкой,

Словно сговорившись, стали мы вдвоем.

Кто-то мне твердил, что цель исканий
близко.

Задыхаясь, тихо, я сказал: «умрем!»

Женщина поспешно дверь открыла. Смут-
но

Озарились глубины сумрачных углов.

Комната была пустой и неприютной,

У стены направо высился альков.
И движеньем быстрым, — делая мне знаки
Следовать за нею, — женщина вошла,
Распустила косы, хохоча во мраке,
На постель припав, любовника ждала.
Раненное больно, сердце вдруг упало.
Помню вновь проходы, отблеск на стене...
Я вернулся к людям, к свету, к шуму зала.
Мне всегда казалось; было то во сне.
Январь 1910

БЕССОННИЦА

Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность[^]
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.
Она проснулась и глядит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!
Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.
И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник давний.
Он рядом спит. Чернеет борода

И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как всегда;
Под простыней простерто прямо тело.
Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные пространства.
В окно струится свет, и свет поет
О тайной радости непостоянства...
Встать и бежать... Бежать в лучах луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени сосны,
И плакать, плакать в тишине безлюдной!
Под простыней тревожно дышит грудь,
Мечты влекутся в даль и в неизвестность...
Луна плывет и льет живую ртуть
На сонную, безмолвную окрестность.
10 января 1910

РАДОСТНЫЙ МИГ

*...тот радостный миг,
Как тебя умолил я, несчастный палач!*
А. Фет

Когда, счастливый, я уснул, она,—
Я знаю, — молча села на постели.
От ласк недавних у нее горели
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвук наших вскриков,
И терпкий запах двух усталых тел
Дразнил дыханье. Лунных, легких бликов
Лежали пятна на полу, и бел
Был дорассветный сумрак узкой спальней.
И женщина, во тьме лицо клоня,
Усмешкой искаженное страдальной,
Смотрела долго, долго на меня,
Припоминая наш восторг минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смутны.
Но вдруг, с руки венчальное кольцо
Сорвав, швырнула прочь, упала рядом,
Сжимая зубы, подавляя плач,
Рыдая глухо... Но, с закрытым взглядом,

Я был простерт во сне, немой палач.
И снилось мне, что мы еще сжимаем
В объятиях друг друга, что постель
Нам кажется вновь сотворенным раем,
Что мы летим, летим, и близко цель...
И в свете утреннем, когда все краски
Бесстыдно явственны, ее лица
Не понял я: печати слез иль ласки
Вкруг глаз ее два сумрачных кольца?
1910–1911

НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*
А. Пушкин,

ДЕМОН САМОУБИЙСТВА

*И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!*
Ф. Тютчев

Своей улыбкой, странно-длительной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.
В ночном кафе, где электрический
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.
Он в вечер одинокий — вспомните,—
Когда глухие сны томят,

Как врач искусный в нашей комнате,
Нам подает в стакане яд.
Он в темный час, когда, как оводы,
Жужжат мечты про боль и ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.
Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.
В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездымным порохом
Кладет он, молча, в барабан.
Он верный друг, он — принца датского
Твердит бессмертный монолог,
С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.
В его улыбке, странно-длительной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнительной,
Властительно влекущей нас...

Ночь 15/16 мая 1910

НА ПЛЯЖЕ

Я видел их. Они вдвоем на пляже
Бродили. Был он грустен и красив;
И не сходила с уст одна и та же
Улыбка. Взгляд ресницами закрыв,
Она шла рядом. Лик ее овальный
Прозрачен был и тонок, но не жив.
Качалось солнце, в яркости прощальной,
Над далью моря. Волны на песке
Чредой стихали, с жалобой печальной.
Играл оркестр веселый вдалеке,
Нарядов дамских пестрота мелькала...
И не было приюта их тоске!
Когда ж заката пышность отблистала,
Замолк оркестр, и берег стал пустым,
Как широта покинутого зала,—
Коснулся их лобзанием святым
Вечерний ветер. С жалобным укором,
В безлюдьи море подступило к ним.
И красный месяц сзади встал над бором,
Провел по волнам яркую черту,
На них взглянул неумолимым взором.
И, взявшись за руки, одну мечту
Постигли оба. Станным счастьем полны,

Вошли в сиянье, кинув темноту.
И долго шли, покорны и безмолвны.
Вода росла и ширилась вокруг них,
Через плечи их перебегали волны,
Вдруг нежный ветер горестно затих,
И смолк прибой; лишь лунный взор на
страже

Один сиял на небесах нагих.

Все было пусто в море и на пляже,

<1910>

ОФЕЛИЯ

*Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки,
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.
А. Фет*

Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цветов;
К окну подбежала, в хмельном веселии,
Раскрыла окно, как на радостный зов!
Внизу суетилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,

И тебя из толпы не видел никто.
Кому было дело до лика странного,
Высоко, высоко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желанного,
Блуждающим взором, внизу, на дне?
Никто головы не поднял, — и с хохотом
Ты кинулась вниз, на пустой гранит.
И что-то упало, с тяжелым грохотом,
Под зовы звонков и под стук копыт.
Метнулась толпа и застыла, жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пыли...
Но жизнь шумела, всё та же, нарядная,
Авто и трамваи летели вдали.

1911

СОБЛАЗНИТЕЛЮ

*Лишь ты один владеешь ключами
рая, праведный, утонченный,
могущественный!*

Г. де Куинси

Ко мне вошел ты. Соблазнитель,
Глаза укромно опустив.
Ты, милосердый победитель,
Со мной был ласков и стыдлив.
Склонив на шею мне несмело
Две нежно-огненных руки,
Ты тихо погрузил всё тело
В истому пламенной реки.
Ты все желанья, всё бывшее
В моей душе дыханьем сжег,—
И стало в мире нас лишь двое:
Твой пленник — я, и ты — мой бог!
Ты обострил мне странно зренье,
Ты просветил мне дивно слух,
И над безмерностью мгновенья
Вознес мой окрыленный дух.
И всем, во мне дремавшим силам,
Ты дал полет, ты дал упор,

Ты пламя мне разлил по жилам,
Ты пламенем зажег мой взор.
Когда ж воскликнул я: «Учитель!
Возьми меня навек! я — твой!»
Ты улыбался, Соблазнитель,
Качая молча головой.
Сентябрь 1909
Париж

LE PARADIS ARTIFICIEL[1]

*C'est une beatitude calnae el inniobile.
Ch. Baudelaire[2]*

Истома тайного похмелья
Мое ласкает забытье.
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.
Быть недвижимым, быть безмолвным,
Быть скованным... Поверить снам,
И предавать палящим волнам
Себя, как нежащим губам.
Ты мной владеешь, Соблазнитель,
Ведешь меня... Я — твой! с тобой!
В какую странную обитель
Плывем мы голубой водой?

Спустились лавры и оливы
К широким белым ступеням...
Продлись, продлись, мой миг счастливый,
Дремлю в ладье, у входа в храм...
Чья шея, гибкая, газелья,
Склонилась на плечо мое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.
Нет, ничего мечте не надо!
Смотреть в хрустальный небосвод,
Дышать одной тобой, услада
Журчащих и манящих вод!
Все позабыть, чем жил я прежде,
Восторг стихов, восторг любви...
Ты, призрак в голубой одежде,
Прекрасный миг останови!
Пусть зыблют бледные оливы
Тень по широким ступеням.
Я — недвижимый, я — счастливый,
Я предан нежащим губам.
Сверкает чье-то ожерелье
Так близко... Милая, твое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие...

1909–1911

В ПУСТЫНЯХ

Так вот в какие пустыни
Ты нас заманил, Соблазнитель!
Бесстрастный учитель
Мечты и гордыни,
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!
Эта страна — безвестное Гоби,
Где Отчаянье — имя столице!
Здесь тихо, как в гробе.
В эти границы
Не долетают птицы;
Степь камениста, даль суха,
Кустарник с жесткой листвой,
Мох ползучий, седой,
Да кусты лопуха...
Здесь мы бродим, тобой соблазненная
рать,
Взорами, в ужасе, даль обводя,
Избегая смотреть друг на друга.
Одним — смеяться, другим — рыдать,
Третьим безмолвствовать, слов: не найдя,
Всем — в пределах единого круга!

Иные, в упорстве мгновенном,
Ищут дороги назад,
Кружатся по пустыне холодной,
Смущающей очи миражем бессменным,
И круги за кругами чертят,
Бесплодно,—
По своим следам
Возвращаясь к нам.
Другие, покорно, на острых камнях
Лежат и грызут иссохшие руки,
Как на прахе брошенный прах,
И солнечный диск, громаден и ал,
Встает из-за рыжих скал,
Из-за грани прежней отчизны,
Страны Любви и Жизни,
Что стала страной — Вечной Разлуки.
У нас бывают экстазы,
Когда неожиданно
Мы чувствуем жизнь и силы!
Всё меняется странно:
Камни горят, как алмазы,
Новые всходят на небо светила,
Расцветают неизвестные розы,—
Но, быстро осыпаются грезы,
Тупо мы падаем в груды колеблемой пыли,

Тупо мы слушаем ветер,
Еле качающий дремлющий вереск,—
В бессилии...

И тогда появляешься ты,
Прежний, Юный, Прекрасный,
В огненном Маке,
Царь Мечты.

Властно

Нам делаешь знаки,
И, едва наступает тишь —
Прежний, Прекрасный, Юный,—
Голосом нежным, как струны,
Нам говоришь:

«Я обещал вам восторга мгновенья,—
Вы их узнали довольно!
Я обещал вам виденья,—
Вы приняли их богомольно!
Я обещал вам сладости изнеможенья,—
Вы их вкусили вполне!
Поклонитесь мне!»

И, пав на колени,
Мы, соблазненная рать,
Готовы кричать
Все гимны хвалений,
Веселясь о своем Господине:

«Слава, Учитель
Мечты и гордыни!
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!
Да будем в пустыне
Верны нашей судьбе!
Вне Тебя нам все ненавистно!
Служим тебе —
Ныне и присно!»

1911

ПОД МЕРТВОЙ ЛУНОЮ

*На кладбище старом, пустынном, с сознанием,
полным отравы,
Под мертвой Луною...
К. Бальмонт*

В МОЕЙ СТРАНЕ

В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгновений,
Проходят облака над ней.
Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.
Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов,—
Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы

Свой стан усталый до земли,—
Теперь торжественность пустыни,
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко синий,—
Как купол, увенчавший храм!
Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.
Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством сил!
Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой,—
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!
С лицом и ясным и суровым
Удары снежных вихрей встретить,
Чтоб иль воскреснуть с майским зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

8 октября 1909

ЗЕРНО

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен а беспутен,
Январский ветер ледяной,
Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный простор.
Порой во сне, сквозь толщ земную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.
И бредом кажется бывшее,
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.
Иль день, когда осенней нивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились, терпеливо
Ждать торжествующей зимы.
Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И всё трудней мне верить маю,

И всё страшней мой черный сон...

11 ноября 1909

«Цветок засохший, душа моя!...»

Цветок засохший, душа моя!

Мы снова двое — ты и я.

Морская рыба на песке.

Рот открыт в предсмертной тоске.

Возможно биться, нельзя дышать...

Над тихим морем — благодать.

Над тихим морем — пустота:

Ни дыма, ни паруса, ни креста.

Солнечный свет отражает волна,

Солнечный луч не достигает дна.

Солнечный свет беспощаден и жгуч...

Не было, нет, и не будет туч.

Беспощаден и жгуч под солнцем песок.

Рыбе томиться недолгий срок.

Цветок засохший, душа моя!

Мы снова двое — ты и я.

<1911>

«Тяжела, бесцветна и пуста...»

Тяжела, бесцветна и пуста
Надмогильная плита.
Имя стерто, даже рыжий мох
Искривился и засох.
Маргаритки беленький цветок
Доживает краткий срок.
Ива наклонила на скамью
Тень дрожащую свою,
Шелестом старается сказать
Проходящему; «Присядь!»
Вдалеке, за серебром ракии,
Серебро реки блестит.
Сзади — старой церкви вышина,
В землю вросшая стена.
Над травой немеющих могил
Ветер веял, и застыл.
Застывая, прошептал в тени:
«Были бури. Сон настал. Усни!»
<1911>

«Мечты любимые, заветные мечты...»

Мечты любимые, заветные мечты,
Виденья радости — и красоты!
Вы спите, нежные, в расписанных гробах,
Нетленные, прекрасные, но прах.
От ветра и лучей, в молчаньи пирамид,
Таимы, — вы храните прежний вид.
И только я один, по лестнице крутой,
Схожу порой в молитвенный покой.
Вы, неподвижные, встречаете меня
Улыбкой прежде нежившего дня.
Вы мне, безмолвные, спокойствием своим,
Вновь говорите: «Рай недостижим!»
И долго я смотрю на давние черты,
Мечты заветные, мои мечты!
И, скорбно уходя, я запираю дверь,
Храня мой склеп надежд, мой склеп по-
терь.

Едва коснется день прекрасного лица,
Все станет пепл пред взором пришлеца.
Мой потаенный храм, мой мир былых го-
дов,
Всё станет — ряд расписанных гробов.
Пусть жизнь зовет, шумит, пусть новый

ВЪЕТСЯ СТЯГ.

Я вас храню. Вас не увидит враг.

1910–1911

РОДНЫЕ СТЕПИ

Вновь

Я вижу вас, родные степи,

Моя начальная любовь.

Е. Баратынский

ПО МЕЖЕ

Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!
По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты, и зреющей ржи.
За полем усатым, не сжатым
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...
Душа, насладись и умри!
Всё это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.
Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,
Убогость соломенных крыш

И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж
Вкруг церкви Бориса и Глеба.
1910
Белкино

«В полях забытые усадьбы...»

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.
Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выпи слышен зыбкий всхлип.
Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шепот, быстрый поцелуй.
Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...

И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно;
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

1910–1911

«Большой дорогой, шоссе открытым...»

Большой дорогой, шоссе открытым,
Широкой шиной вздымая пыль,
Легко несется автомобиль.
Смеемся роцам, дождем омытым,
Смеемся далям, где темен лес,
Смеемся сини живых небес!
Поля, пригорки, луга, долинки,
Внезапно — церковь, изб темный ряд,
Мелькают лица, столбы летят...
И на подушках мы в лимузинке,
Куря беспечно, бесплодный взор
Бросаем бегло на весь простор...

25 мая 1911

«На сухой осине серая ворона...»

На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого склона,
Мухомор на кочке, вздутый, словно бес.
Грустно, нелюдимо, пусто в мире целом,
Колеи дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-белом,
Виден дым далекий, верно, над избой.
Взором утомленным вижу в отдаленьи
Разноцветный веер недожатых нив,
Где-то есть жилище, где-то есть селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел и жив...
Или я чужой здесь, в этой дикой шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчаливом мире,
В даль полей принесший чуждую тоску?..
18 июля 1911

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Синие, чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...
Ветер играет смелей.
Говор негромкого грома
Глухо рокочет вдали...
Всё еще веет истома
От неостывшей земли.
Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней.
Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.
Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!
1911

«И снова давние картины...»

И снова давние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.
Тропинка сквозь орешник дикий
С крутого берега реки,
Откос, поросший повиликой,
И в черных шапках тростники.
В воде виляющие рыбы,
Над ней мелькание стрекоз;
Далеко видные изгибы
Реки, ее крутой откос.
А дальше снова косогоры,
Нив, закруживших кругозор,
Пустые, сжатые просторы
И хмурый, синеватый бор.
И первый плуг в далеком поле
В сопровожденьи бороны...
Виденья давней, детской воли, —
Иль только радостные сны.

27 июля 1910

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избранник,
Бога ищущий в тоске?
Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?
Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Проноса разбойный нож?
Как узнать? мы оба скроем
Наши мысли и мечты.
Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,
Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.
Разошлись — и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,

Заглядысь на красный гриб.

2—6 августа 1910

СТРАСТИ СНЫ

*Страсти сны нам только снятся...
«Венок»*

*Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастья назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело!
М. Лермонтов*

И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.
Влеки меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!
Ах, слишком долго, с маской строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!
Куда меня поток ни кинет,

Живым иль мертвым, — все равно:
Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!
Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.
Их не хочу! все ближе пена
Порогов каменных, — и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.
1911

«Ты — мой демон, ты эринния...»

Ты — мой демон, ты — эринния,
Неразлучная со мной!
В целом мире — как в пустыне я,
И все миги я с тобой!
Одинок я под смоковницей,—
Но с тобой мои мечты;
На постели я с любовницей,—
Но в моих объятьях — ты!
Я — в весельи вдохновения,—
Шепчешь ты начало строк;
Я замыслил преступление,—

Подаешь мне ты клинок!
Тайной волей вместе связаны,
Мы напрасно узы рвем,
Наши клятвы не досказаны,
Но вовеки мы вдвоем!
Ненавистная! любимая!
Призрак! Дьявол! Божество!
Душу жжет неуголимая
Жажда тела твоего!
Как убийца к телу мертвому,
Возвращаюсь я к тебе.
Что дано мне, распростертому?
Лишь покорствовать Судьбе.
1910. 1911

«Да, можно любить, ненавидя...»

Odi et amo.
Catullus[3]

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!
О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!
Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?
Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно.
Но я повторяю: люблю!
Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвее,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.
Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!
1911

«Опять безжалостные руки...»

Опять безжалостные руки
Меня во мраке оплели.
Опять на счастье и на муки
Меня мгновенья обрекли.
Бери меня! Я твой по праву!
Пусть снова торжествует ложь!
Свою не радостную славу
Еще одним венком умножь!
Я — пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюбленном
Расслышь костей дробимых хруст!
С тобой, лак цепью, спаян вместе,
Полузакрыв истомный взор,

Я не забыл о тайной мести
За твой восторг, за мой позор!
А! зверь неустомимо-гибкий!
Быть может, я тебя люблю!
Но все движенья, все улыбки
Твои — я жадно уловлю.
Дрожа, прислушаюсь к стенанью.
Запечатлею звуки слов,
И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.
Потом — моим стихам покорным,
С весельем, передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник!

1911

«Как птицы очковой змеей очарованы...»

Как птицы очковой змеей очарованы,
Поднять мы не смеем измученных рук,
И, двое, железами давними скованы,
Мы сносим покорно медлительность мук.
Всегда предо мною улыбка поблекшая
Когда-то горевших, как пурпуром, губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изнемогшая,
И я неподвижен, как брошенный труп.
Привстать бы, сорвать бы оковы желез-
ные,
И кольца и цепи! и вольными вновь
Бежать в дали синие, в сумерки звездные,
Где ставит алтарь свой меж сосен Любовь!
Со смехом упасть там на мхи потемнев-
шие,
Объятья святые, как детям, сплести,—
Забуть эти муки, как сны отлетевшие,
Как камни на прежнем, пройденном пути!
Я знаю, исчезнет тоска нестерпимая
При веяньи первом прохлады лесной,
И снова ты станешь былая, любимая,
И я на колени склонюсь пред тобой!

Но воля бессильна, как птица бескрылая,
И залиты руки тяжелым свинцом.
Ты никнешь, в слезах, ненавистная, милая,
В оковах железных мы никнем вдвоем...
1911

**«Прощаю все, — и то, что ты лгала
мне...»**

Прощаю все, — и то, что ты лгала мне
Губами алыми, дарами долгих ласк,
Что вместо хлеба мне давала камни,
Что на руках цепей я слышал лязг;
И то, что мной целованное тело
Бросала ты лобзаниям других,
И то, что сделать лживым ты хотела
Мой праведный, мой богомольный стих!
Прощаю все, — за то, что были алы
Твои, всечасно лгавшие, уста,
Что жгли меня твоих грудей овалы,
Что есть в твоём лице одна черта;
Еще за то, что ласковым названьем
Ты нежила меня в час темноты;
За то, что всем томленьям, всем страда-
ньям
Меня обречь умела только ты!

СЛОВА ТОСКУЮЩЕЙ ЛЮБВИ

*Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви.*

А. Пушкин

«Любовь ведет нас к одному...»

Amor condusse noi ad una...[4]

Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и тьму,
Я ослеплен лучами.
Есть путь по гребням грозных гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.
Есть темный путь, ведущий в ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?
Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.

Путь кратких, но прекрасных дней,—
Твой страшный путь, Франческа!
Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!
Любовь приводит к одному,—
Вы, любящие, верьте!—
Сквозь скорбь и радость, свет и тьму
К блаженно-страшной смерти!
6 декабря 1911

ЛЬДИНКА

Ветер вешний, ветер нежный
С лаской веет над душой.
Над поляной зимне-снежной
Утро дышит синевой.
Здравствуй, ветер, вестник вольный
Новых дней и вновь весны,
Безглагольный, богомольный
Голос ясной вышины!
Все, что было, будет снова,—
Зелень луга, щебет птиц.
Всё бывшее будет ново
В белых отсветах зарниц.

Будет знойный праздник света,
Дрожь бессумрачных ночей...
Здравствуй, солнце! здравствуй, лето!
Опьяни и облелей!

Веет ветер. Сладко тает
На поляне вешний снег.
Небо тайно обещает
Радость жизни, сладость нег.
Где же первая былинка,
Робкий цветик голубой?
В синем небе тает льдинка,
Расплываясь синевой.
20 ноября 1911

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Я долго шел и, выбрав для ночлега
Холм ледяной, поставил гибкий шест.
В полярной тьме не Сириус, не Вега,
Как знак Любви, сверкает Южный Крест.
Вот дунул ветер, поднял вихри снега;
Запел унылый гимн безлюдных мест...
Но для мечты есть в скорбной песне нега,
И тени белые — как сонм невест.
Да, я — один, во льдах пустых затерян,
Мой путь в снегах обманчив и неверен,
Мне призраки пророчат гибель вновь.
Но Южный Крест, мерцающий в тумане,
Залог, что я — не завершил скитаний,
Что впереди — последняя любовь!
Ноябрь 1911

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забывтый в поле, клонится, дрожа.
Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер полос.
В воспоминаньях тонкий черный волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как мои мечты кружа,
Звенел в тиши негромкий, нежный голос.
Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой сжатой
Напрасно грезит опьяниться мятой.
Но почему вдыхает май мечта?
И почему все громче, откровенней
О счастья шепчет вздох глухой, осенний?
Декабрь 1911

НА ЗАРЕ

Бледнеет ночь. Свой труд окончив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.
Все это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но всё земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!
Я снова, с радостным мученьем,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.
И все, что мне казалось мертвым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стертым
Дано гореть, дано блистать!
Как неизменны, как всеильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пускай умру, как стебель пыльный,—
В час смерти жизнь благословлю!
Склонясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,

Горят завесы облаков.

<1911>

ПОКОРНОСТЬ

Не надо спора. Буду мудрым.
Склонюсь покорно головой
Пред тем ребенком златокудрым,
Что люди назвали Судьбой.
Пусть он моей играет долей,
Как пестрым, маленьким мячом.
Взлетая, буду видеть поле,
Упав, к земле прильну лицом.
Есть радость в блещущем просторе
И в нежной свежести росы,
Люблю восторг, и славлю горе,
Что все виденья, все часы.
Хочу всего: стихам певучим
Томленья чувства передать;
Над пропастью, по горным кручам,
Закрыв глаза, идти опять;
Хочу: в твоём спокойном взоре
Увидеть искры новых слез;
Хочу, чтоб ввысь, где сладко горе,
Двоих — один порыв вознес!
Но буду мудр. Не надо спора.

Бесцелен ропот, тщетен плач.
Пусть вверх и вниз, легко и скоро,
Мелькает жизнь, как пестрый мяч!
Ночь 10/11 ноября 1911

МИЛЫЙ СОН

Продлись, продлись, очарованье!
Ф. Тютчев

Друг моих былых мечтаний, милый сон,
Ты чредой чьих заклинаний воскрешен?

Кто отвеял безнадежность от мечты?
Та же нега, та же нежность, прежний — ты!

На тебе венок весенний васильков,
Над твоей улыбкой тени сладких слов.
Ты стоишь в кругу священном тишины;
Ты творишь волшеббно-пленным луч луны,
Развеваешь все тревоги, словно дым;
Возвращаешь, нежно-строгий, мир — двоим.

Давний призрак, друг бывшего, милый сон,
Ты шепнул ли, что я снова воскрешен?
Что из мглы встают вершины, даль зовет,

Что до цели лишь единый переход?
Что сияют вновь надежды лучших лет?..
Иль опять откроет вежды мертвый свет?
Давний друг, мой сон, помедли! Я — готов.
Чу! унылый звон. Не медь ли злых часов?
1912

ЖИЗНИ МГНОВЕНИЯ

*Так, в жизни есть мгновения,
Их трудно передать.*

Ф. Тютчев

ВЕЧЕРОВАЯ ПЕСНЯ

Я тебе посвятил умиленные песни,
Вечерний час!

Эта тихая радость воскресни, воскресни
Еще хоть раз!

Разливается сумрак, — голубоватый, —
Меж стен домов.

Дали синие неба миром объаты,
Без звезд, без слов...

Электричество вспыхнуло, — полны и пе-

ны

Луны дрожат.

Трамваев огни, там зеленый, здесь крас-
ный,

Потянулись в ряд.

Предвесеннею свежестью дышится воль-
но,

Стерлись года,

И кажется сердцу, невольно, безбольно:
Всё — как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одинокий...

И, как во сне,

Идет меж прохожих мой призрак далекий

Навстречу мне...

<1911>

НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Возвысила ночь свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу,

И, в волны пролитому, яркому олову

Вверяю ночную, бездомную душу.

Мечта моя! челн в беспредельности кину-
тый!

Качают тебя огне-синие дали,

Заброшены весла, уключины вынуты,

Со скрипом ненужные реи упали.

Не надо руля и косматого паруса!

Прочь, прежние гавани, берег знакомый!

А волны вздымают за ярусом ярусы,

И водные шире и шире объемы.

Мечта моя! челн в роковой беспредельно-
сти!

Ты дышишь соленым дыханием влаги,

Ты счастлив бродячим восторгом бесцельности,

В часы, когда дремлют у пристаней флаги.
Душа моя вверена зыбкому олову,—
До утра той связи святой не нарушу!
А ночь подняла свою черную голову,
Созвездьями смотрит на море и сушу.
1911

НА БЕРЕГУ

Закрыв измученные веки,
Миг отошедший берегу.
О если б так стоять вовеки
На этом тихом берегу!
Мгновенья двигались и стали,
Лишь ты царишь, свой свет струя.
Меж тем в реке — из сизой стали
Влачится за струёй струя.
Проходишь ты аллеей парка
И помнишь краткий поцелуй...
Рви нить мою, седая Парка!
Смерть, прямо в губы поцелуй!
Глаза открою. Снова дали
Разверзнут огненную пасть.
О если б Судьбы тут же дали

Мне мертвым и счастливым пасть!

1911

СЛУЧАЙНАЯ СТРЕЛА

Стоял я в этот час, незрячий
Пред будущей судьбой Эдип,
И видел лишь ее дрожащей
Руки пленительный изгиб.
Но знал, что спорить бесполезно
С порывом, вдруг увлекшим нас,
И чувствовал: тесьмой железной
Объединил нас поздний час.
Она беспомощно клонилась
К подушке алой, в глубь и в тень...
И мне казалось, что вонзилась
Стрела случайная в мишень.
И, жестом медленным, безвинный
Убийца, я припал к устам...
И миг продлился, длинный, длинный,
Врата к мучительным часам.
1911

УТРОМ

Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.
Ты глядишь, как иностранка
Где-то в городе чужом.
Не пойму твоих улыбок,
Страха мне не превозмочь.
Иль что было — ряд ошибок,
Это счастье, эта ночь?
Ты смеешься, отошла ты,
У окна стоишь в тени...
Иль, скажи, не нами смяты
На постели простыни?
Изменив своей привычке,
Ты, как римлянка рабу,
Пятачок бросаешь птичке,
Предвещающей судьбу.
Знаю, что за предсказанье
Птичка вытащит тебе:
«Исполнение желанья,
Изменение в судьбе».
Нет! бывшее не ошибка!
Ты смеешься не над ним!
Счастлив тот, чье сердце зыбко,

Кто способен стать иным!
Счастлив тот, кто утром встанет,
Позабыв про ночь и тень.
Счастлив цвет, что быстро вянет,
Что цветет единый день.
Будь же в мире — иностранка,
Каждый день в краю другом!
Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.
<1910>

В НАЕМНОЙ КОМНАТЕ

В наемной комнате все ранит сердце:
И рама зеркала, и стульев стиль,
Зачем-то со стены глядящий Герцен,
И не сметенная с комода пыль.
Нежней прильни ко мне; глаза закроем;
И будем слушать шаг печальных дум,
Как будто мы сошли на дно морское,
Где бледен солнца свет и смутен шум.
Твое дыхание мне рядом слышно,
Замедленный твой пульс слежу рукой...
Подводные цветы надменно пышны,
И разноцветных рыб мелькает рой.
Ах, только об одном могу жалеть я,

Что в той же комнате — очнуться мне!
Акула проплыла, другая, третья...
Закатный рдяный луч скользит на дне.
Как эти миги дум со счастьем схожи,
Как к этой нежности близка любовь!
Но я открыл глаза, и Герцен тот же
Пытливый взор в меня вперяет вновь.
В наемной комнате все сердце ранит.
В ней миг мечты — обман, в ней счастье —
ложь,

Нет, не клонись ко мне! Боюсь желаний!
Не надо губ твоих: они язвят, как нож.
<1912>

В РЕСТОРАНЕ

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользящий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.
С тихим вальсом, знакомо печальным,
В темный парк ускользают мечты.
Липы дремлют в наряде венчальном,
И во мгле улыбаешься — ты.
Этот вальс, этот зов, эти звуки —
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы — во сне, мы — в тени, мы — одни.
Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.
Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брызжет вино и хрусталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.
Все безжалостней жалобы скрипки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки

Над лукой потемневшей реки.

1911

ПОСЛЕ НОЧИ...

После ночи свиданья любовного,
Тихой улицей, тающей тьмой,
В упоеньи восторга греховного,
Возвращаться неспешно домой.
Проходя тротуарами темными,
Помнить, в ясном сиянии грез,
Как ласкал ты руками нескромными
Горностаи ее нежных волос.
Чуя в теле истому палящую,
Слыша шаг свой в глухой тишине,
Представлять ее, дремную, спящую,
Говорящую «милый» во сне.
И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лестницу
В алый шелк убирает заря,
1904

ПО ТОРЖИЩАМ

*По торжищам влача тяжелый крест
поэта.*

Я. Полонский

РОМАНС

Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах.
В вечерний час, со смертью сходный,
Твой лоб, твои глаза и щеки
Я грела в маленьких руках.
О, как мы были одиноки,
Вдвоем, и в мире и в мечтах!
Ты приходил ко мне, весенний,
Обвеян запахом листвы.
И в час, когда прозрачны тени,
Я целовала абрис милый
Твоей склоненной головы,
А древняя луна скользила
По кругу древней синевы.
Ты приходил ко мне, усталый
От зноя, в пыльный летний день.
Твой рот, страдальческий и алый,

Я целовала, берегла я
Твою тоскующую лень.
Пока, все думы погашая,
Не проникала в окна тень.
Настала осень; дождь протяжный
Шумит в ленивой тишине,
А ты, весь радостный, весь влажный,
Осенних астр цветную связку
Несешь кому-то, но не мне...
И вечер грустно шепчет сказку
О невозвратном, о весне...
<1910>

ПОРТРЕТ

Ей лет четырнадцать; ее глаза
Как на сережке пара спелых вишен;
Она тонка, легка, как стрекоза;
И в голосе ее трав шелест слышен.
Она всегда беспечна, и на всех
Глядит прищурясь, скупно, как в просонках.
Но как, порой, ее коварен смех!..
Иль то — Цирцея, спящая в пеленках?
Она одета просто, и едва
Терпимы ей простые украшения.
Но ей бы шли шелка, и кружева,

И золото, и пышные каменья!
Она еще ни разу алых губ
В любовном поцелуе не сближала,—
Но взгляд ее, порой, так странно-груб...
Иль поцелуя было бы ей мало?
Мне жаль того, кто, ей вручив кольцо,
В обмен получит право первой ночи.
Свой смех она ему швырнет в лицо,
Иль что-то совершит еще жесточе!

1910

НА ГОРЯЧЕМ ПЕСКЕ

На горячем песке, пред ленивым прибоем,
Ты легла; ты одна; ты обласкана зноем.
Над тобой небеса от лучей побледнели.
Тихо миги проходят без цели, без цели.
За тобой на откосе спокойные сосны.
Были осени, зимы, и вёсны, и вёсны...
Море мирно подходит с ленивым прибоем.
Этим морем, мгновеньем, покоем и зноем
Хорошо упиваться без дум, без загадок.
Час дремотный на взморье так сладок, так
сладок.
Быть как волны, как солнце, как миги, как
вёсны...

Полдень жжет, море вкрадчиво, пламенные
сосны,

Небеса в высоте от лучей побледнели...

Жизнь неслышно проходит, без цели, без
цели...

Декабрь 1909 — январь 1910

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Дождь окрасил цветом бурым
Камни старой мостовой.
Город хмур под небом хмурым,
Даль — за серой пеленой.
Как в стекле, в асфальте влажном
Стены, облака и я.
Чу! бежит, с журчаньем важным,
Пенно-желтая струя.
Глухо пусты тротуары,
Каждый дом и нем и глух...
Дождь над миром деет чары,
Дождь заклятья шепчет вслух.
Как черны верхи пролетов,
Лакированных дождем!
— Промелькнули двух кокоток
Шляпы под одним зонтом.
<1912>

ПРОЩАНИЕ

(На пристани пустынной бледный маль-
чик

Глядит, как гаснет огненный закат...)

— Плыви, наш пароход! свой тонкий паль-
чик

Я положила на канат.

(Тень меж теней, по гладким глыбам мола
Бродить он будет, молча, до зари.)

— Моя душа! печальная виола!

Плачь и о прошлом говори!

(Он вспомнит, вспомнит, как над морем
буйным

Сидели двое, ночью, на скале!)

— Я прикоснусь обрядом поцелуйным,
Как он, к своей руке во мгле.

(Проглянет утро. Пламенный румянец
Небес — коснется чьих-то бледных щек...)

— Пляшите, волны, свой безумный танец!
Наш путь невесел и далек.

<1911?>

У КОЛОННЫ

Среди детей, на мраморной ступени,
Она сидела, голову склоня.
Ложились на седые косы тени,
Дрожал на пальцах алый отблеск дня.
Он тихо подошел, стал у колонны,
И робким голосом промолвил: «Мать!»
Не покачнулся лик ее склоненный,
Лишь губы что-то начали шептать.
Он, наклонясь, сказал ей: «Неужели
Ты сына не узнала? это — он!»
Ее как будто щеки побледнели,
И шепот расслышал я: «Тот же сон,
Желанный сон. Мой милый, мой далекий!
Будь, будь со мной, хотя бы лишь во сне!»
И дальше в ночь пошел он, одинокий,
А гор вершины были все в огне.
6 ноября 1909

УЛИЦА

Окна зеркальные,
Крики нахальные
Ярких плакатов.
Улица движется,
Пестрое нижется
Лиц ожерелье...
Скорбь и веселье
В праздничной смене...
Много закатов,
Пышно и ало,
В стеклах сияло,
Разные тени
Спали покорно
В нишах строений.
Сколько столетий
Старцы и дети
Здесь же, все здесь же
Будут томиться,
Плакать, молиться...
Люди упорно
Ищут хоть малой
Искорки блага...
Пышно и ало

Стекла зардели;
Звездочка брезжит;
Сумерки бродят...
Где-то запели:
С шумом проходит
Пьяная ватага.
<1912>

В ИГОРНОМ ДОМЕ

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все выходы закрыл,
Так Дух Забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.
Нет, не найти им в буйстве чувственном,
В вине и страсти, где врата.
И только здесь, в огне искусственном,
Жива бессмертная Мечта!
Опять сердца изнеможенные
Восторг волненья узнают,
Когда в свои объятья сонные
Вбирает их Великий Спрут.
Незримыми, святыми цитрами
Заворожая души их,
Обводит он главами хитрыми
Десятки пленников своих.

И те, мгновеньем зачарованы,
Лелеемы заветным сном,
Не знают, что давно окованы
Своим недремлющим врагом.
Белеют шторы. Призрак утренний
Глядится жалобно в окно.
Но все объяты негой внутренней
Мечты, утраченной давно!
<1912>

В ЦЕРКВИ

Оплетены колонки
Лозою виноградной,
И ладана дым тонкий
Висит, дрожит усладно.
Поют: «Мы херувимов
Изображаем тайно...»
Сквозь сеть прозрачных дымов
Все так необычайно.
Апостольские лики
Взирают с царских врат,
И, как языческие Нике,
Златые ангелы парят.
Священник вышел снова,
Одет в парчу и злато.

Всё прелестью земного
Насыщено, объято.
Горят и тают свечи,
Сверкает позолота,
Гласят с амвона речи
Нам благостное что-то.
С вином святая чаша
Высоко поднята,—
И сладко близит радость наша
С дарами Вакха — дар Христа.
1911

МИЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

О, милое воспоминание!
В. Жуковский

БЛИЗ МОРЯ

Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых вёсен;
В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени,
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.
Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,
Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря,
И мечты валам угрюмым
Откликаться, бору вторя.
Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...

Темной хвои не исчислить
В тихом сумраке шумящем.
Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным горем,
С тихим горем, вечно новым!
Июль 1911
Majorenhof

ФИРВАЛЬШТЕТТСКОЕ ОЗЕРО

Фирвальштеттское озеро — Роза Ветров...
К. Бальмонт

Отели, с пышными порталами,
Надменно выстроились в ряд
И, споря с вековыми скалами,
В лазурь бесстрастную глядят.
По набережной, под каштанами,
Базар всесветной суеты,—
Блеск под искусными румянами
В перл возведенной красоты.
Пересекая гладь бесцветную,
Дымят суда и здесь и там,
И, посягнув на высь запретную,

Краснеют флаги по горам.
И в час, когда с ночными безднами
Вершины смешаны в тени,
Оттуда — спор с лучами звездными
Ведут отельные огни.
1909
Luzern

МЮЛЬБАХ

Меж облаков, обвивших скалы,
Грозе прошедшей буйно рад,
Ты вниз стремишься, одичалый,
Сребристо-белый водопад.
И снизу, из окон отелей,
Мы смотрим в высоту, к тебе,—
Где ты, меж неподвижных елей,
Своей покорствуешь судьбе.
Напитан вечными снегами
На вознесенных высотах,
Ты в пропасть падаешь, струями,
Взметающими влажный прах,
Чтоб, о гранитные громады
Разбив бушующую грудь,—
Как все земные водопады,
В заливе мирном потонуть.

26 августа 1909

Brienz

НА ЛЕДНИКЕ

И вы, святыни снега, обещаны,
Следами палок осквернен ледник,
И чрез зияющие трещины
Ведет туристов проводник.
Но лишь свернешь с дороги предназначен-
ной,

Туда, где нет дорожек и скамей,—
Повеет мир, давно утраченный,
Среди оснеженных камней!
Быть может, мы — уже последние,
Кто дышит в Альпах прежней тишиной.
Вершины царственно-соседние
Одеты влажной синевой.
Парит орел над скалами точеными;
Настороживши слух, стоят сурки;
Объяты рамами зелеными,
Синея в блеске, ледники.
Еще здесь живы замыслы Создателя,
Искавшего торжественных услад,—
Непогрешимого ваятеля
Непостигаемых громад!

Он, протянув просторы ярко-синие,—
Из черни, зелени и белизны
Творил единственные линии,
Свои осуществляя сны.

1909

Montenvers

В ИТАЛЬЯНСКОМ ХРАМЕ

Vulnerant omnes, ultima necat[5]

Надпись на часах

Да, ранят все, последний убивает.
Вам — мой привет, бесстрастные часы,
Моя душа вас набожно считает!
Тот — острым жалом вдумчивой осы
Язвит мечты; тот — как кинжалом режет;
Тот грезы косит с быстротой косы.
Что вопли, стоны, что зубовой скрежет
Пред тихим вздохом, данником часов!
Боль жизни ровно, повседневно нежит.
Все — оскорбленье; дружбы лживой зов,
Объятья беглые любви обманной
И сочетанья надоевших слов...
Ах, многое прекрасно и желанно!
По-прежнему стремлю я руки в даль

И жду, как прежде, с верой неустанной.
Но с каждым днем томительней печаль,
Но с каждым годом вздох тоски победней...
И долгой жизни мне давно не жаль.
Клинок конца вонзай же, час последний!
1912

НА МОГИЛЕ ИВАНА КОНЕВСКОГО (+8 июля 1901 г.)

Я посетил твой прах, забытый и далекий,
На сельском кладбище, среди простых
крестов,
Где ты, безвестный, спишь, как в жизни,
одинокий,
Любовник тишины и несказанных снов.
Ты позабыт давно друзьями и врагами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась меж на-
ми,
Двух клявшихся навек — жить радостью
земли!
И здесь, в стране чужой, где замки над об-
рывом
Ревниво берегут сны отошедших дней,

Где бурная река крутит своим разливом
Ряды поверженных, воде врученных пней;
Где старые дубы и сумрачные вязы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные алмазы
Спокойно бодрствуют над юной вновь
страной;

Ты мой слышал зов, такой же, как и
прежде!

Я радостно воззвал, и ты шепнул: «Живи!
Дыши огнем небес, верь песне и надежде,
И тело сильное опять отдай любви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в лесу зеле-
ном,

Но помню, и сквозь сон, мощь бури, солн-
ца, рек,

И ветер, надо мной играя тихим кленом,
Поет мне, что земля — жива, жива вовек!»

13 июля 1911

Segewold

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

*Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!*

К. Павлова

ПОЭТ — МУЗЕ

Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям строгим
Душа была верна.
Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.
В тиши полей, под нежный шепот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастли-
ВЫЙ
Вместить стремился в стих.
Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной,—
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!
Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.
Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — неожиданных,
Овладевавших мной стихов!
Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!
Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!
Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,

Иль обрати безумца в прах!
Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!
Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

ОТВЕТ

Растут дома; гудят автомобили;
Фабричный дым висит на всех кустах;
Аэропланы крылья расстелили
В облаках.
Но прежней страстью, давней и знакомой,
Дрожат людские бедные сердца,—
Любовной, сожигающей истомой
Без конца...
Как прежде, страшен свет дневной Дидоне,
И с уст ее все та же рвется речь;
Все так же должен, в скорбный час, Анто-

ний

Пасть на меч.

Так не кляните нас, что мы упрямо
Лелеем песни всех былых времен,
Что нами стон Катулла: «Odi et amo»[6] —
Повторен!

Под томным взором балерин Дегаза,
При свете электрической дуги
Все так же сходятся четыре глаза,
Как враги.

И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объятъя — словно круг судьбы,—
Все той же беспощадной Афродиты
Мы — рабы!

30 — 31 декабря 1911

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Во мгле, под шумный гул метели,
Найду ль в горах свой путь, — иль
вдруг,

Скользнув, паду на дно ущелий?
Со мной венок из иммортелей,
Со мной мой посох, верный друг,
Во мгле, под шумный гул метели.
Ужель неправду норны пели?
Ужель, пройдя и дол и луг,
Скользнув, паду на дно ущелий?
Чу! на скале, у старой ели,
Хохочет грозно горный дух,
Во мгле, под шумный гул метели!
Ужель в тот час, как на свирели
В долине запоет пастух,
Скользнув, паду на дно ущелий?
Взор меркнет... руки онемели...
Я выроню венок, — и вдруг,
Во мгле, под шумный гул метели,
Скользнув, паду на дно ущелий.

1911

ВЛАСТИТЕЛЬНЫЕ ТЕНИ

Зову властительные тени.

А. Фет

ЕГИПЕТСКИЙ РАБ

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий
труд,

И хлеба кус гнилой — единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жесто-
кий кнут,

И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безве-
стен;

Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как пле-
сень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

7—20 октября 1911

МОИСЕЙ

Пророк, чей грозный нимб ваятель
Рогами поднял над челом,
Вождь, полубог, законодатель,—
Всё страшно в облике твоём!
Твоя судьба — чудес сплетенье,
Душа — противоречий клуб.
Ты щедро расточал веленья,
Ты был в признаньях тайных скуп.
Жрецами вражьими воспитан,
Последней тайны приобщен,
И мудростью веков налитан,—
Ты смел смотреть во глубь времен.
Беглец гонимый, сын рабыни,
Чужих, безвестных стад пастух,
Ты с богом говорил в пустыне,
Как сын с отцом, как с духом дух.
Ты замысл, гордо-необычный,
Как новый мир, таил в себе,
И ты, пришлец, косноязычный,
Царю пророчил о судьбе.
Пастух, — ты требовал народа,
Раб, — совершал ты чудеса.

Тебе содействуя, природа
Тьмой облекала небеса.
Вчера преступник, нынче принят
Как вождь, ты был гордыни полн:
Ты знал, что жезл взнесешь, и сгинет
Погоня меж взметенных волн.
Но что ж, несытый, ты замыслил?
Тысячелетий длинный строй
Ты взмерил, взвесил и исчислил,
Как свой удел, как жребий свой.
Народ пастуший и бездомный,
Толпу, бродящую в песках,
На подвиг страшный и огромный
Ты дерзостно обрек в веках.
Сказал: «Ты сломишь все препоны!
Весь этот мир, он — мой, он — наш!
Я дам тебе мои законы,—
Ты их вселенной передашь!
Что может мира жалкий житель?
И что могу — я, человек?
Ты будь моей мечты хранитель.
Теперь, потом, в веках, вовек!»
Назначив цель, ты, год за годом,
Водил в пустыне племена,
Боролся со своим народом,

Крепил умы и рамена;
Великий, строгий, непонятный,
Учил мятущихся детей,
Готовил их на подвиг ратный,
Воспитывал ловцов людей.
И день настал. В дали туманной,
Ты, с Нево, взорами обвел
Далекий край обетованный,
Поник челом и отошел.
Твой лик, спокойно-помертвелый,
Взирал на ближний Галаад,
Но знал ты, что во все пределы
Твои глаголы долетят.
Какие б племена ни встали,
Какие б ни пришли века,
Им всем вручит твои скрижали
Твоих наместников рука!
Как древле, грозный и безмерный,
Над буйным миром ты стоишь,
И свой народ, поныне верный,
Ведешь державно и хранишь.
Декабрь 1911

КЛИТЕМНЕСТРА

Сестра — царит в надменной Трое,
Сестре — немолчный гимн времен,
И славный будет славен вдвое,
Когда он за сестру сражен.
Певцы, на царском шумном пире,
Лишь о Елене станут петь,
И в их стихах, и в громкой лире
Ей суждено вовек блеснуть.
Не обе ли мы дщери Леды?
И Зевс не также ль мой отец?
Мне — униженья, ей — победы?
Мне — в тернах, в розах — ей венец?
Не вся ль Эллада за Елену
Стоит? Ахейские суда
Крутят вдали морскую пену,
И наши пусты города!
Мое Атрид покинул ложе,
Привесил бранный меч к бедру,
Забыл покой, — и за кого же?
Не за меня, а за сестру!
И всё ли? Он не дочь ли нашу,
Как жертву, на алтарь принес?
И нет ее, и чем я скрашу

Обитель старости и слез?
Всё — в дар забывшей честь и право,
Двумужнице! в стенах врагов
Смеющейся борьбе кровавой
И родине кующей ков!
А я — отверженна, забвенна,
Мне — прялка, вдовья участь — мне,
За то, что буду неизменно
Ждать мужа в яви и во сне!
Нет! если людям на презренье
Я без вины осуждена,—
Да совершатся преступления!
Да будет подлинно вина!
Да будет жребий мой заслужен,
Неправый суд да будет прав!
Душе — венец позора нужен,
Взамен венца похвал и слав!
О, эвмениды! мне не страшен
Бичей, взнесенных вами, свист!
Спеши ко мне и скрой меж брашен
Клинок убийства, мой Эгист!

1911

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Пламя факелов крутится, длится пляска са-
ламандр,

Распростерт на ложе царском, — скиптр на
сердце,—

Александр.

То, что было невозможно, он замыслил, он
свершил,

Блеск фаланги македонской видел Ганг и
видел Нил.

Будет вечно жить в потомстве память
славных, страшных

дел,

Жить в стихах певцов и в книгах, сын Фи-
липпа, твой удел!

Между тем на пышном ложе ты про-
стерт, — бессильный прах,

Ты, врагов дрожавших — ужас, ты, друзей
смущенных —

страх!

Тайну замыслов великих смерть ревниво
погребла,

В прошлом — яркость, в прошлом — слава,
впереди —

туман и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится пляска са-
ламандр.

Плача близких, стопа войска не расслы-
шит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным мраком,
В ладье Харона переплыт,
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит,

«Ты кто?» — «Я был царем. Элладой
Был вскормлен. Стих Гомера чтит.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.
Раздвинув родины пределы,
Пройдя победно целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»
И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих жен.
Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.
Круша Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,

Эллады силы сокрушил!»
Встает Другой, — черты сокрыты,—
Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мир, Эллада, твой, — Восток!
Не так же ль свяжет в жгут единый,
На Западе, народы — Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним?»
Поник Минос челом венчанным.
Нем Радамант, молчит Эак,
И Александр, со взором странным,
Глядит на залетейский мрак.
Пламя факелов крутится, длится пляска са-
ламандр.

Распростерт на ложе царском, — скиптр на
сердце,—

Александр.

И уже, пред царским ложем, как предве-
стье скорых сеч,

Полководцы Александра друг на друга
взносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка, пьяны памя-
тью побед,

Царским именем, надменно, шлют веле-

нья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диадемой Антигон.

Антипатр царить в Элладе мыслит, властью упоен.

И во граде Александра, где столица двух морей,

Замышляет трон воздвигнуть хитроумный Птоломей.

Дымно факелы крутятся, длится пляска саламандр.

Споров буйных диадохов не расслышит Александр.

1900, 1911

СУЛЛА

Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний вздох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех земных эпох!
И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столько блага
И столько зла — врагам!»
Ты был велик и в мести и в разврате,
Ты счастлив был в любви и на войне,
Ты перешел все грани вероятия,
Вином земных блаженств упился ты вполне.

И выразил себя, когда, царя над Римом,
Не зная, где предел твоих безмерных сил,—
С презрением невыразимым
Народу ты свободу возвратил!
<1913>

КРЕСТНАЯ СМЕРТЬ

Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная гряда
Блистала под мерцаньем звезд.
Печальных женщин воздыханья,
Мужчин угрюмые слова,—
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.
И вдруг он вздрогнул. Мы метнулись,
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что сонм архангелов возник.
Распятый в небо взгляд направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! почто меня оставил!»
Ужасным гласом возопил.
И римский воин уксус жгучий
На губке протянул шестом.
Отведав, взор он кинул с кручи,
«Свершилось!» — произнес потом.
Все было тихо. Небо черно.
В молчаньи холм. В молчаньи дол.
Он голову склонил покорно,

Поник челом и отошел.

1911

ФАУСТ

Гретхен, Гретхен, в темной нише
Храма ты преклонена.
Гул органа слышен свыше,—
Голос: «Здесь ты не одна!»
Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Тайну страшную храня,
В час томлений, в час молений
Позабудь, в слезах, меня...
Что я могу, — напрасно- рвущий
Оковы грозных, прошлых лет,
Вторичной жизнью живущий
И давший Дьяволу обет?
Что я могу, — узнавший тайны
Души, и смерти, и всего,
Отвергший этот мир случайный,
Проклявший бога своего?
Одним своим прикосновеньем
Я опалил твой детский лик;
Я ядовитым дуновеньем
К цветку твоей души приник.
Я простираю руки с лаской,—

Но в ласке затаен позор;
Свое лицо скрываю маской,—
Горит под ней надменный взор.
Я к свету за тобой дерзаю,—
Рука, как камень, тяжела,
И мы с тобой летим не к раю,
Но в бездну, где тоска и мгла.
Хочу бежать, — но неизбежно
Влекусь к тебе, к магниту сталь;
Хочу молить с тревогой нежной,
Но смертный зов моя печаль.
Я — ужас, я — позор, я — гибель,
Твоих святынь заветных тать!
Но, в миг паденья, снежной глыбе ль
Свое стремленье задержать!
Гретхен, Гретхен! в темной нише
Храма ты преклонена.
Слышишь божий голос свыше:
«Ты навек осуждена!»
Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Встала ты в лучах из тьмы!
Но за мной клубились тени,—
И во мраке оба мы!

26 ноября 1911

ГРЯДУЩЕМУ ПРИВЕТ

*Грядущему привет надежды и любви.
Кн. П. Вяземский*

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТОЛП

На Невском, как прибор нестройный,
Растет вечерняя толпа.

Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.

Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!

Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.

Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята,

И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,

Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.

Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,

Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки,
Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.
И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как, — давно, —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.
9 апреля 1909

К ФИНСКОМУ НАРОДУ

Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами выросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.
Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.
Меж камней, то мшистых, то голых,
Взлюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяжелых,

Но кроток и ясен твой взор.
Весь цельный, как камень огромный,
Единою грудью дыша,—
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;
Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой лик.
В нужде и в труде терпеливый, —
Моряк, земледел, дровосек,—
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;
С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов,—
Воздвиг на гранитах причуды
Суровых своих городов.
И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты, юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.
Стой твердо, народ непреклонный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!

Стой твердо! Кто с гневом природы
Веками бороться умел,—
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!
Август 1910

К МОЕЙ СТРАНЕ

Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!
О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.
Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!
И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена,—

Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!
Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

1911

ДЛЯ ВСЕХ

*Альбом походит на кладбище,
Для всех открытое жилище.
Е. Баратынский*

ПАМЯТИ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Как Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник,

Плакала долго, напрасно клонила над влажной прозрачной
свой лик.

Встретил в лесу тебя рыцарь суровый, пути потерявший
ловец.

Страницей грустной нежданно пленился,
другой тебе
подал венец.

В замок угрюмый, старинный, старинный
он ввел, как
царицу, тебя,

Чтил он твой взор и твой голос певучий,
тебе поклонялся,
любя.

Но ты бежала от всех поклонений, с тоской
о чудесном,
ином...

Кто же сразил тебя ночью, жестокий, тяжё-
лым и острым
мечом!

Рыцарь суровый, над телом погибшей и
руки ломай, и
рыдай!

Верим мы все, что открыт Мелизанде же-
ланный и радост-
ный рай.

1910

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За
входом

Кружит огни Париж, своим весельем пьян.

Смотрю на облик твой; стараюсь год за го-

дом

Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.

И ты мне кажешься суровым мореходом,

Тех лучших дней, когда звал к далям Ма-

геллан,

Предавшим гордый дух безвестностям и

водам,

Узнавшим, что таит для верных океан.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,

Вдали от наших стран, искал ты берегов

Погибших Атлантид и призрачных Лему-

рий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...

Но чтобы выразить, что в этом лике ново,

Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

1909

Париж

ПРИЗНАНИЕ

Моя дорога — дорога бури,
Моя дорога — дорога тьмы.
Ты любишь кроткий блеск лазури,
Ты любишь ясность, — и вместе мы!
Ах, как прекрасно, под сенью ясной,
Следить мельканье всех облаков!
Но что-то манит к тьме опасной,—
Над бездной сладок соблазнов зов.
Смежая веки, иду над бездной,
И дьявол шепчет: «Эй, поскользнись!»
А над тобою славой звездной
Сияет вечность, сверкает высь,
Я, как лунатик, люблю качаться
Над темным краем, на высоте...
Но есть блаженство — возвращаться,
Как к лучшей цели, к бывшей мечте.
О если б снова, без слез, без слова,
Меня ждала ты, тиха, ясна!
И нас простора голубого
Вновь грела ясность и глубина!
Я — твой, как прежде, я — твой вовеки
Домой вернувшись из чуждых стран...
Но, покоряясь Року, реки

Должны стремиться в свой океан.
7 января 1912

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н. Львовой

Мой факел старый, просмоленный,
Окрепший с ветрами в борьбе,
Когда-то молнией зажженный,
Любовно подаю тебе.
Своей слабеющей светильней
Ожесточенный пламень тронь:
Пусть вспыхнет ярче и обильней
В руках трепещущих огонь!
Вели нас разные дороги,
На миг мы встретились во мгле.
В час утомленья, в час тревоги
Я был твой спутник на земле.
Не жду улыбки, как награды,
Ни нежно прозвучавших слов,
Но долго буду у ограды
Следить пути твоих шагов.
Я подожду, пока ты минешь
Над пропастью опасный срыв
И высоко лампаду вскинешь,

Даль золотую озарив.
Как знак последнего привета,
Я тоже факел подыму,
И бурю пламени и света
Покорно понесу во тьму.
1911

В ОТВЕТ НА ОДНО ПРИЗНАНИЕ

Нине Петровской

Ты обо мне мечтала в годы те,
Когда по жизни шел я одиноко,
И гордо предан огненной мечте
О женщине безвестной и далекой.
Когда любви я отдал бы себя
Вполне, без меры, яростно и слепо,
Когда, священную любовь любя,
Я верен был ей в сумраке вертепа.
О если б ты тогда пришла ко мне
С своей душой, свободной и мятежной,
Так жаждущей гореть в живом огне,
Неукротимой, исступленной, нежной!
Какую сказку сотворили б мы
Из нашей страсти! новый сон Эдгара!
Она зажглась бы, — как над миром тьмы

Торжественное зарево пожара!
Какие б я слова нашел тогда,
В каких стихах пропел бы гимны счастья!
Но розно мы томились те года,
И расточали праздну, навсегда,
Двух душ родных святое сладострастье!
9 апреля 1910

В АЛЬБОМ ДЕВУШКЕ

В не новом мире грез и прозы
Люби огни звезды вечерней,
Со смехом смешанные слезы,
Дыханье роз, уколы терний,
Спокойным взглядом строгих глаз
Встречай восторг и скорбный час.
Предстанут призраки нежданные,
Смущая ум, мечте грозя:
Иди чрез пропасти туманные,
Куда влечет твоя стезя!
И в миг паденья будь уверена:
Душа жива, жизнь не потеряна!
Тебя прельстит ли пламень славы,
Яд поцелуев, тайна кельи,—
Пей, без боязни, все отравы,
Будь гордой в грусти и весельи!

За склоном жизни, как теперь,
В мечту, в любовь и в счастье — верь!
1911

В АЛЬБОМ Н

Она мила, как маленькая змейка,
И, может быть, опасна, как и та;
Во влаге жизни манит, как мечта,
Но поверху мелькает, как уклейка.
В ней нет весны, когда лазурь чиста,
И дышат листья так свежо, так клейко.
Скорей в ней лета блеск и пестрота:
Она — в саду манящая аллеика.
Как хорошо! ни мыслить, ни мечтать
Не надо; меж листвы не видно дали;
На время спит реки заглохшей гладь...
В порывах гнева, мести и печали,
Как день грозы, была бы хороша
Ее душа... Но есть ли в ней душа?
1911

САНДРИЛЬОНЕ

М. И. Балтрушайтис

Был день хрустальный, даль опаловая,
Осенний воздух полон ласки.
К моей груди цветок прикалывая,
Ты улыбалась, словно в сказке.
Сменила сказку проза длительная,
В туман слилось очарованье.
Одно, как туфелька пленительная,
Осталось мне — воспоминанье.
Когда, играя, жизнь нас связывает
В беседе тусклой и случайной,
Твой взгляд спокойный не высказывает,
Кем ты была в день свадьбы тайной.
Но мне мила мечта заманчивая,—
Что, нарушая все законы,
Тебе я вновь, свой долг заканчивая,
Надену туфлю Сандрильоны.

1912

В АЛЬБОМ

Что наша жизнь? Несчастный случай!
Напиток страсти, остро-жгучий,
Восторг пленительных созвучий,
Да ужас смерти, черной тучей
Висящий над рекой бегучей.
Что наша жизнь? Тропа по круче,
Над бездной, где поток ревучий
Грозит, где вьется змей ползучий;
Кругом — бурьян, сухой, колючий,
Да, вдоль расщелин, тмин пахучий.
Что наша жизнь? Корабль скрипучий
В объятьях тьмы. Бессильной кутая
Мы сбились, смотрим в мрак дремучий,
Где — то блеснет мираж летучий,
То вспыхнет метеор падучий.
О наша жизнь! Томи и мучай!
Вноси надменно меч могучий,
Грози минутой неминучей,—
Я буду петь свой гимн певучий,
Я буду славить темный случай!

1910

Примечания

Искусственный рай (фр.).

[^^^]

2

Это безмятежное и неподвижное блаженство.
Ш. Бодлер (фр.).

[^^^]

3

Ненавижу и люблю. Катулл (лат.).

[^^^]

4

Любовь ведет нас к единой [смерти] (ит.).

[^^^]

5

Ранят все, последний убивает (лат.).

[^^^]

6

«Ненавижу и люблю» (лат.).

[^^^]